

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ/SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.166.83> EDN: SIHUZW

ЭЛИТА КАК ПОЗИЦИЯ ДОСТУПА: СОЦИАЛЬНЫЕ АРХИТЕКТУРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ВЛАСТИ ВНЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Научная статья

Калмыков Н.Н.^{1,*}¹ Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kalmykovnn[at]gmail.com)

Аннотация

В статье предлагается рассматривать элиту не как фиксированную социальную группу или производную от формальной власти, а как устойчивую позицию в социальной архитектуре институционализированного доступа к будущим возможностям. На основе концепта социальных архитектур — динамически формируемых систем дизайна многомерной среды — уточняются механизмы воспроизводства элитных позиций при смене режимов, юрисдикций и институциональных оболочек. Используется сравнительно-исторический и институциональный анализ с единым протоколом кейсов: среда → институт доступа → стресс-тест → последствия → воспроизводимость. Продемонстрировано, что устойчивость элит определяется контролем режимов допуска, узлов и процедур арбитража, а дисциплина поддерживается санкциями исключения и институциональной памятью. Предложена типология архитектур доступа и обозначены ограничения подхода.

Ключевые слова: социальные архитектуры, элиты, историческая социология, социология власти.

ELITE AS A POSITION OF ACCESS: SOCIAL ARCHITECTURES OF POWER REPRODUCTION BEYOND TERRITORIAL SOVEREIGNTY

Research article

Nikolai K.N.^{1,*}¹ Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (kalmykovnn[at]gmail.com)

Abstract

The article proposes to view the elite not as a fixed social group or as a derivative of formal power, but as a stable position within the social architecture of institutionalised access to future opportunities. Based on the concept of social architectures—dynamically formed systems for designing a multidimensional environment—the mechanisms for the reproduction of elite positions during changes in regimes, jurisdictions and institutional frameworks are clarified. A comparative-historical and institutional analysis is used with a single case study protocol: environment → institution of access → stress test → consequences → reproducibility. It is demonstrated that the stability of elites is determined by control over access regimes, nodes and arbitration procedures, while discipline is maintained through sanctions of exclusion and institutional memory. A typology of access architectures is suggested and the limitations of the approach are identified.

Keywords: social architectures, elites, historical sociology, sociology of power.**Введение**

Современные исследования элит в социологии и политической экономии, как правило, опираются на территориально-государственные, классовые или институционально-административные модели [20]. В рамках этих подходов элита трактуется либо как социальная группа, закреплённая в структуре власти и собственности, либо как совокупность акторов, контролирующая ключевые государственные институты и ресурсы. Подобные модели обладают высокой объяснительной силой в условиях стабильных политических режимов и относительно замкнутых национальных экономик, однако они демонстрируют ограниченность при анализе длительных исторических процессов и трансформаций, связанных со сменой юрисдикций, политических форм и институциональных оболочек.

Исторический материал показывает, что устойчивость элит не сводится к контролю территории, формальных должностей или накопленного капитала [1], [2], [3]. В различных эпохах воспроизводятся конфигурации влияния, сохраняющие свою функциональную эффективность при распаде государств, смене правовых режимов и глубокой реконфигурации экономической среды. Такие конфигурации обнаруживаются задолго до формирования национальных государств и продолжают существовать в формах, лишь частично совпадающих с государственными институтами. Это ставит под вопрос представление об элите как о производной исключительно от суверенной власти или классовой структуры.

В данной статье предлагается рассматривать элиту не как фиксированную социальную группу, а как устойчивую позицию в системе институционализированного доступа к будущим возможностям [20]. Для описания и анализа таких позиций вводится концепт социальных архитектур — динамически формируемых систем институционального дизайна многомерной среды, обеспечивающих контроль доступа, воспроизводство статуса и перераспределение рисков. В рамках данного подхода среда перестаёт быть пассивным фоном социальных процессов и рассматривается как активный актор, коэволюционирующий с действиями элитных субъектов.

Проблематика статьи формулируется следующим образом: за счёт каких механизмов и архитектурных решений элиты сохраняют устойчивость и воспроизводимость в условиях отсутствия или ослабления территориального суверенитета? [1], [2], [3], [20].

Исследовательский вопрос формулируется как проверяемое утверждение: какие комбинации режимов допуска, узлов концентрации потоков, процедур арбитража и санкций (включая исключение) обеспечивают воспроизводимость элитной позиции при смене юрисдикций и институциональных оболочек?

Объект исследования — социальные архитектуры воспроизводства элит; предмет исследования — механизмы институционализированного доступа, санкций и воспроизводимости, обеспечивающие устойчивость элитных позиций в межюрисдикционных средах.

Цель исследования состоит в разработке и обосновании аналитической модели социальных архитектур элит, позволяющей объяснить устойчивость и воспроизводство элитных позиций вне привязки к конкретным государственным формам. В рамках достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- 1) концептуализировать социальные архитектуры как самостоятельный объект анализа;
- 2) выявить их ключевые структурные и функциональные элементы;
- 3) проследить проявление данных элементов в различных исторических контекстах;
- 4) показать отличие архитектурного подхода от классических структуралистских и институциональных интерпретаций элит.

Научная новизна статьи заключается в смещении аналитического фокуса с описания социальных групп и институтов на анализ архитектур доступа и воспроизводства. Элита трактуется как позиция, закреплённая не только социальными и правовыми нормами, но и конфигурацией узлов, процедур и режимов допуска, способных сохранять свою эффективность при изменении внешних условий. Такой подход позволяет предложить межэпохальную рамку анализа элит, релевантную как для исторической социологии, так и для политической экономии.

Теоретико-методологическая рамка исследования

2.1. Теоретические подходы к анализу элит и их ограничения

В классической социологической и политэкономической традиции анализ элит формировался в рамках нескольких устойчивых теоретических линий [20]. Элитологические подходы, восходящие к работам В. Парето, Г. Моски и Р. Михельса, рассматривали элиту как относительно замкнутую группу, обладающую специфическими ресурсами власти и механизмами самовоспроизводства. В этих моделях акцент делался на циркуляции элит, конкуренции между правящими и контрэлитными группами, а также на роли организационных механизмов в концентрации власти.

Институциональные и неинституциональные подходы сместили внимание к формальным правилам, правовым режимам и организационным структурам, внутри которых закрепляется элитное положение [20]. В рамках данной логики элиты анализируются через контроль над институтами государства, рынка и корпоративного управления, а воспроизводство элит связывается с устойчивостью институциональных контуров и механизмами политического и экономического отбора.

Сетевые теории и подходы, ориентированные на анализ социальных связей, предложили альтернативную оптику, в которой ключевым ресурсом элит выступает положение в сетях взаимодействия, доступ к информации и способность управлять потоками ресурсов [20]. Несмотря на значительный аналитический потенциал, данные модели зачастую фиксируют сеть как статическую конфигурацию связей, уделяя ограниченное внимание институциональной фиксации доступа и механизмам долговременного воспроизводства.

Общим ограничением указанных подходов является их склонность рассматривать элиту либо как социальную группу, либо как производную от относительно стабильных структур — классовых, территориальных или институциональных. В результате недостаточно прорабатывается вопрос устойчивости элит в условиях глубокой трансформации среды, смены юрисдикций и разрушения привычных институциональных оболочек.

2.2. Архитектурный подход и отличие от структурализма

Предлагаемый в статье архитектурный подход исходит из иного онтологического и методологического основания. Социальные архитектуры рассматриваются не как статические структуры, а как динамически формируемые системы дизайна многомерной социальной среды. В отличие от классического структурализма, ориентированного на выявление устойчивых каркасов и бинарных оппозиций, архитектурный подход фокусируется на процессах проектирования, ограничения, трансформации и адаптации социальных режимов.

Ключевым отличием является включение среды в анализ в качестве активного актора. Среда не только ограничивает действия элитных субъектов, но и коэволюционирует с ними, изменяя конфигурацию возможностей, рисков и допустимых стратегий. В этой логике элитная позиция определяется не принадлежностью к фиксированной структуре, а способностью занимать и удерживать место в архитектуре доступа, перестраивая её элементы по мере изменения внешних условий.

Архитектурный подход позволяет преодолеть дихотомию «структура — агент», поскольку внимание переносится на промежуточный уровень — дизайн режимов доступа и воспроизводства. Диагностика таких режимов становится инструментом анализа не только того, «кто обладает властью», но и того, «как именно власть становится устойчивой».

2.3. Методология исследования и аналитический протокол

Методологически исследование опирается на сочетание сравнительно-исторического и институционального анализа. Источниковая база включает академические монографии и рецензируемые журнальные публикации, а также первичные и справочные материалы (включая тексты античной традиции и юридико-исторические справочные ресурсы), используемые для проверки институциональных деталей в кейсах. Отбор кейсов осуществлён по четырём критериям:

- 1) высокий уровень межюрисдикционного обмена и необходимость координации «вне суверена»;

2) наличие конкуренции за узлы и режимы допуска (порты, конторы, маршруты, фискальные потоки);
3) выраженность стресс-тестов (конфликт, санкции, регуляторное вмешательство), позволяющих наблюдать трансформацию архитектуры;

4) историческая обеспеченность, допускающая проверяемую реконструкцию институтов доступа и процедур.

Исторические кейсы используются не как иллюстративный материал, а как эмпирические проверки повторяемости архитектурных механизмов в различных средах и эпохах.

Для обеспечения сопоставимости кейсов применяется единый аналитический протокол. Единица анализа в статье — институциональный режим доступа, локализованный в узле (порт, контора, ярмарка, корпоративный центр управления) и описываемый через индикаторы допуска, узлов концентрации потоков, арбитража, санкций и воспроизводимости. Протокол включает следующие элементы:

- 1) характеристика среды и её структурных ограничений;
- 2) выявление институтов и процедур, фиксирующих доступ;
- 3) анализ ключевой сцены или стресс-теста, в которой архитектура подвергается проверке;
- 4) оценка последствий для распределения доступа и позиций;
- 5) анализ механизмов воспроизводства или деградации архитектуры.

Такой протокол позволяет интерпретировать социальные архитектуры как процессуальные конфигурации, устойчивость которых определяется не отсутствием кризисов, а способностью перерабатывать внешние и внутренние шоки. В рамках данного подхода диагностика архитектуры выступает не описательной, а аналитической процедурой, ориентированной на выявление механизмов долгосрочной устойчивости элитных позиций.

Социальные архитектуры элит: концепт и операционализация

3.1. Понятие социальной архитектуры и элитной позиции

В рамках настоящего исследования социальная архитектура рассматривается как особый уровень организации социальной реальности, отличающийся от понятий структуры, института или сети. Если структура фиксирует устойчивые соотношения элементов, институт — формализованные правила и организации, а сеть — конфигурацию связей между акторами, то социальная архитектура описывает дизайн и взаимную настройку этих элементов во времени.

Социальная архитектура элит представляет собой динамическую систему институционального проектирования среды, в которой закрепляются режимы допуска, распределения рисков и воспроизводства статуса. Она не существует вне практик, но и не сводится к ним; архитектура проявляется в устойчивости правил доступа и в способности системы сохранять функциональную целостность при изменении внешних условий.

В этом контексте элита определяется как позиция в социальной архитектуре, обеспечивающая приоритетный и воспроизводимый доступ к формированию будущих возможностей. Речь идёт не о принадлежности к фиксированной социальной группе, а о занятии определённого места в архитектуре доступа, которое может сохраняться даже при смене персонального состава, правовых оболочек и форм собственности.

3.2. Многомерность среды и уровни архитектурного анализа

Ключевым предположением архитектурного подхода является многомерность социальной среды [20]. Для аналитических целей в статье выделяются четыре взаимосвязанных уровня, на которых разворачивается архитектура элит.

Первый уровень — физический. Он включает материальные узлы и инфраструктуры, такие как порты, торговые маршруты, рынки, проливы и иные точки концентрации потоков. Контроль над физическими узлами позволяет управлять входом в систему обмена и формирует первичную асимметрию доступа.

Второй уровень — институционально-правовой. На этом уровне фиксируются формальные правила допуска, арбитража и санкций: статуты, хартии, договоры, суды и иные процедуры. Именно правовая фиксация переводит временные практики в воспроизводимые режимы и снижает неопределённость взаимодействия.

Третий уровень — семиотический. Он включает символические и репутационные механизмы, ритуалы допуска, маркеры принадлежности и формы легитимации. Семиотический уровень обеспечивает внутреннюю дисциплину архитектуры и позволяет отличать «внутренних» участников от «внешних».

Четвёртый уровень — историко-культурный. Он связан с институциональной памятью, воспроизводимыми паттернами поведения и формами наследования статуса. Этот уровень обеспечивает длительность архитектуры и её способность переживать смену поколений и политических режимов.

Выделение указанных уровней позволяет анализировать социальные архитектуры как многослойные конфигурации, в которых изменения на одном уровне компенсируются или усиливаются трансформациями на других.

3.3. Функции социальной архитектуры элит

Для операционализации концепта социальных архитектур в статье используется функциональный подход, выделяющий четыре базовые функции архитектуры [20].

Терминологическая оговорка: в тексте «допуск» используется для обозначения правил и процедур входа/выхода из контура (gatekeeping), тогда как «доступ» — для фактической возможности действовать в рамках уже заданного режима; разведение позволяет избежать смешения нормативного и эмпирического уровней анализа.

Первая функция — проектирование. Она связана с созданием режимов доступа, определением порогов входа и формированием институтов, закрепляющих привилегированное положение. Проектирование включает как осознанные действия элитных акторов, так и спонтанные институциональные решения, стабилизированные практикой.

Вторая функция — ограничение. Архитектура всегда предполагает механизмы фильтрации и исключения: санкции, блокировку доступа, понижение статуса или вытеснение за пределы контура. Ограничение выступает ключевым инструментом поддержания дисциплины и предотвращения размывания элитной позиции.

Третья функция — трансформация. В условиях кризисов, конфликтов или изменений среды архитектура подвергается стресс-тестам, требующим перераспределения узлов, пересмотра правил или смены институциональных оболочек. Трансформация позволяет системе сохранять ядро при изменении формы.

Четвёртая функция — адаптация. Она выражается в способности архитектуры переносить центр тяжести, интегрироваться в новые правовые и политические контуры и обеспечивать воспроизводство доступа в изменённой среде. Адаптация отличает устойчивые архитектуры от временных конфигураций влияния.

3.4. Индикаторы диагностики социальных архитектур

Для эмпирического анализа социальных архитектур элит в статье используются следующие индикаторы.

Во-первых, наличие формализованных или неформальных режимов допуска, ограничивающих вход в контур и фиксирующих привилегированный доступ.

Во-вторых, контроль над узлами, обеспечивающими концентрацию потоков ресурсов, информации или прав.

В-третьих, наличие процедур арбитража и разрешения конфликтов, автономных или полуавтономных по отношению к внешней власти.

В-четвёртых, действенные механизмы санкций и исключения, позволяющие поддерживать дисциплину без постоянного внешнего принуждения.

В-пятых, воспроизводимость архитектуры во времени, выражающаяся в передаче позиций, ролей и доступа между поколениями акторов.

Совокупность указанных индикаторов позволяет отличить устойчивую социальную архитектуру элит от краткосрочных сетей влияния или ситуативных коалиций, не обладающих механизмами долгосрочного воспроизводства.

3.5. Эмпирическая стратегия и критерии проверки архитектуры доступа

Эмпирические разделы статьи построены как серия проверок архитектурного подхода на историческом материале. Индикаторы используются как критерии наблюдения, а выводы формулируются только после сравнительного синтеза. В каждом кейсе ожидается обнаружить минимальный набор наблюдаемых компонентов социальной архитектуры элит:

- а) режим допуска (пороги входа, правила участия, совместимость/несовместимость);
- б) узлы концентрации потоков (инфраструктуры и площадки, где закрепляется доступ);
- в) процедуры арбитража и фиксации обязательств (суды, договорные формы, протоколы разрешения споров);
- г) санкционные механизмы, включая исключение из контура;
- д) признаки воспроизводимости во времени (передача ролей, институциональная память, устойчивость процедур).

Отсутствие одного или нескольких компонентов трактуется как предел архитектуры либо как переходная стадия её институционализации.

Античные портовые архитектуры доступа: генезис элит вне государства

4.1. Среда морского обмена и логика узлов

Античное Средиземноморье представляет собой раннюю форму масштабируемой среды обмена, в которой отсутствует единый суверенный арбитр, а территориальный контроль носит фрагментарный характер [1], [2], [3]. В таких условиях устойчивость и расширение обмена обеспечиваются не захватом пространства, а управлением узлами и маршрутами. Море выступает как среда, в которой власть приобретает функциональный характер: контроль концентрируется в точках входа, транзита и арбитража, а не в границах территорий.

Порт в данной конфигурации является не периферийным элементом государства, а самостоятельной платформой власти. Он объединяет функции допуска к обмену, фиксации и защиты сделок, концентрации информации и силового обеспечения маршрутов. Именно портовые узлы становятся первичными элементами социальной архитектуры элит, поскольку позволяют формировать асимметрии доступа и воспроизводить их во времени.

4.2. Финикийская торговая сеть: диаспора как архитектура доступа

Финикийские города Восточного Средиземноморья развивались в условиях жёстких природных и политических ограничений, не допускавших масштабной территориальной экспансии [4], [5].

Ключевым элементом финикийской архитектуры выступала диаспора — устойчивое сообщество «своих» в каждом значимом узле. Диаспора обеспечивала режим допуска к информации, кредиту и логистике, выполняла арбитражные функции и поддерживала дисциплину через репутационные санкции. Исключение из диаспоры означало фактическую утрату доступа к сети и выступало наиболее жёсткой формой наказания в условиях дальнеморской торговли.

Финикийская сеть показывает раннюю форму социальной архитектуры элит, в которой физический уровень (порты и маршруты) сочетается с семиотическим и институциональным уровнями, обеспечивающими воспроизводимость доступа при отсутствии централизованной власти.

4.3. Карфаген: институционализация портовой архитектуры

Карфаген представляет собой следующий этап развития сетевой логики, в котором архитектура доступа получает форму устойчивой политической организации [6]. В отличие от финикийских городов-узлов, Карфаген концентрирует управление потоками в одном центре, формируя торговую олигархию, для которой экономический доступ институционально трансформируется в политическую власть.

Портовая инфраструктура Карфагена, включая разделение торгового и военного контуров, материализует архитектурный принцип контроля доступа. Пространственная организация порта обеспечивает фильтрацию входа, защиту маршрутов и оперативное управление флотом, а договорные режимы с внешними акторами закрепляют правила навигации и торговли.

В карфагенском случае право выступает продолжением портовой архитектуры: договоры и соглашения регулируют не столько границы, сколько режимы доступа к морскому пространству. В архитектурной логике договор фиксирует не «линию раздела», а протокол допуска: кто имеет право входа в торговую зону, на каких условиях и с какими ограничениями по маршрутам и сделкам [6]. Таким образом, социальная архитектура элит получает институциональную стабилизацию, позволяющую воспроизводить контроль над потоками в условиях расширяющейся сети.

4.4. Пирей и Афины: правовая интеграция архитектуры доступа

Афинский Пирей демонстрирует иной вариант институционализации портовой архитектуры, при котором торговый узел интегрируется в структуру полиса [7], [8]. Экономическая зависимость Афин от морских поставок, прежде всего зерна, превращает контроль над Пиреем и морскими маршрутами в экзистенциальную задачу; в этой логике проливы и узкие места коммуникаций становятся элементами архитектуры допуска, а не просто географией торговли [7].

В отличие от Карфагена, где порт обслуживает торговую олигархию, в Афинах архитектура доступа включается в публично-правовой контур. Важным индикатором такой интеграции выступают специализированные процедуры разрешения коммерческих споров (*dikai emporikai*) и нормативные ограничения, направленные на поддержание устойчивости снабжения, прежде всего по зерновым цепочкам и морским маршрутам [7], [8], [25]. Создание специализированных судов по торговым делам, регулирование морского кредитования и ограничения на спекулятивные практики отражают использование права как инструмента управления устойчивостью обмена.

При этом формируется особая элитная позиция, основанная на контроле потоков и доступа к инфраструктуре, а не на происхождении или землевладении. Купцы, судовладельцы и финансисты становятся значимыми политическими акторами, поскольку их функциональная роль встроена в архитектуру воспроизводства полиса.

4.5. Архитектурные выводы по античному блоку

Анализ античных портовых систем позволяет выявить ряд инвариантов социальной архитектуры элит. Во-первых, контроль узлов оказывается более значимым, чем контроль территории. Во-вторых, устойчивость элит обеспечивается сочетанием физического, правового и семиотического уровней архитектуры. В-третьих, институционализация доступа позволяет переводить временные торговые практики в воспроизводимые режимы власти.

Античные кейсы демонстрируют, что элитные архитектуры возникают как ответ на ограничения среды и формируются задолго до появления развитых государств. В терминах критериев проверки в каждом из рассмотренных случаев наблюдаемые режимы допуска, узлы концентрации потоков, процедуры фиксации обязательств и арбитража, санкционные механизмы и признаки воспроизводимости (включая память режима). Это поддерживает тезис о первичности архитектур доступа по отношению к территориальному суверенитету и подготавливает переход к анализу средневековых сетевых конфигураций, в которых данные механизмы получают дальнейшее развитие и масштабирование.

Средневековые сетевые архитектуры: диаспоры, коалиции и санкции

5.1. Расширение среды и проблема масштабирования доверия

Средневековый период характеризуется усложнением торговых и коммуникационных сред: возрастает протяжённость маршрутов, увеличивается число акторов, растут объёмы оборота и ставки конфликта. В этих условиях архитектуры доступа должны поддерживать доверие и дисциплину на пространстве множества юрисдикций без единого арбитра, что стимулирует развитие надтерриториальных режимов допуска, арбитража и санкций.

5.2. Диаспоры как портативные архитектуры доверия

Средневековые торговые диаспоры представляют собой устойчивые формы социальной архитектуры, обеспечивающие переносимость доступа и доверия через политические и правовые границы.

Мини-кейс документальной инфраструктуры: Каирская гениза. Массив деловой переписки и договоров показывает, как документальность становится инфраструктурой доверия и дисциплины: обязательства фиксируются письменно, а санкции исключения применяются при слабости или фрагментации внешнего суда [24]. При этом документальная фиксация снижает неопределённость, но не устраняет структурные пределы портативного доверия: конфликты интересов и провалы гарантий остаются возможными и требуют институционального разрешения внутри сети [24]. В отличие от локальных институтов, диаспоры не привязаны к одной территории и сохраняют целостность при смене режимов и юрисдикций.

Диаспоры сочетают несколько ключевых элементов: агентскую модель организации торговли, документальные практики фиксации обязательств, внутренний арбитраж и репутационные санкции. Эти элементы позволяют поддерживать дисциплину и предсказуемость обмена без обращения к внешнему принуждению. Исключение из диаспорного контура означает утрату доступа к критически важным каналам информации и кредита, что делает санкции эффективными даже при отсутствии формальной власти.

Диаспоры демонстрируют высокую адаптивность архитектуры: при разрушении отдельных узлов или усилении давления со стороны государств центр тяжести сети может переноситься без утраты функциональной целостности. Тем самым обеспечивается воспроизводство элитных позиций вне зависимости от стабильности территориальных режимов.

5.3. Ганзейский союз: коалиционная архитектура доступа и исключения

Показательными для понимания механики коалиционной власти являются «сцены санкций», в которых проявляется принцип управления потоками через отключение узлов [9], [10]. Ранний кейс — эмбарго против Брюгге и Фландрии (1358), когда согласованный бойкот и перенос операций в альтернативные города продемонстрировал, что санкция может быть точечной и обратимой: узел возвращается в поток при восстановлении привилегий и условий

доступа. Второй кейс — закрытие Новгородской конторы (1494), где сеть столкнулась с централизующейся территориальной властью: демонтаж экстерриториального режима означал не переговорный конфликт, а разрушение институциональной опоры сети в конкретной юрисдикции. Третий кейс — отзыв привилегий ганзейцев в Лондоне (1598), показывающий правовой предел сетевой власти: унификация регулирования и отмена исключительных режимов разрушает архитектуру доступа без прямого военного столкновения.

Дополнительный слой устойчивости ганзейской архитектуры обеспечивали конторы как режимы допуска в ключевых узлах международной торговли: они включали элементы внутреннего самоуправления, дисциплины, арбитража и фильтрации участников. На примере северного узла (Bergen/Bryggen) видно, что речь шла не о временных складах, а о длительно функционирующих институциональных анклавах, где архитектура доступа поддерживалась одновременно инфраструктурой и нормами общины [9], [10].

Ганзейский союз представляет собой качественно иной уровень сетевой архитектуры, в котором координация осуществляется не только между отдельными торговыми общинами, но и между городами как корпоративными субъектами. Власть Ганзы носит функциональный характер и строится вокруг контроля доступа к рынкам, маршрутам и правовым режимам пребывания купцов.

Институциональная архитектура Ганзы не предполагала централизованного управления или единой территории. Ключевыми элементами выступали съезды городов, торговые конторы в стратегических узлах и согласованные санкционные механизмы. Решения, вырабатываемые в рамках коалиции, не имели формально обязательного характера, однако обеспечивались экономической дисциплиной и угрозой исключения из сети.

Санкции в ганзейской архитектуре выступали базовым инструментом управления. Эмбарго и бойкоты применялись не как крайняя мера, а как регулярный способ принуждения к соблюдению правил. Их эффективность определялась способностью коалиции синхронизировать действия и перенаправлять потоки, минимизируя внутренние потери.

5.4. Стресс-тесты коалиционной архитектуры

История Ганзы демонстрирует ряд стресс-тестов, выявляющих пределы сетевой власти. В конфликтах с отдельными городами или региональными властями санкционная архитектура показывала высокую эффективность, позволяя добиваться уступок без применения военной силы. Однако столкновение с централизующимися государствами выявляло уязвимости узлов, находящихся в юрисдикциях, готовых рассматривать экономическую автономию как политическую угрозу.

Закрытие ганзейских контор и отзыв привилегий в ряде ключевых центров приводили к структурной перестройке сети и перераспределению потоков. При этом сама архитектурная логика коалиции сохранялась, хотя её масштаб и эффективность сокращались. Это указывает на различие между деградацией конкретных институтов и устойчивостью базовых архитектурных принципов.

5.5. Архитектурные выводы по средневековому блоку

Средневековые кейсы позволяют уточнить и расширить модель социальных архитектур элит. Во-первых, масштабирование среды требует выноса механизмов доверия и санкций на надтерриториальный уровень. Во-вторых, исключение и блокировка доступа оказываются более действенными инструментами власти, чем прямое принуждение. В-третьих, устойчивость архитектуры определяется способностью перераспределять узлы и адаптироваться к изменению политических условий.

Диаспоры и коалиции демонстрируют, что элитные архитектуры могут сохранять функциональную целостность даже при частичном разрушении институтов и утрате отдельных привилегий. На уровне индикаторов здесь фиксируются: допуск и несовместимости, узловая концентрация, автономные процедуры арбитража, санкции исключения и воспроизводимость через документальность и институциональную память. Эти наблюдения подготавливают переход к анализу механизмов институционализации доступа, в рамках которых сетевые конфигурации переводятся в формализованные и воспроизводимые структуры.

Институционализация доступа: контракты, право и воспроизводство элит.

Переход от сети к институту

Переход от сетевых форм координации к институтам задаётся тремя ограничениями: масштабом (дороговизна проверки репутации при росте сети), временем (утрата контекста при смене поколений) и конфликтом (необходимость признанной процедуры разрешения споров). Институционализация переводит доверие в правила, статус — в допуск, а конфликт — в процедуру, повышая воспроизводимость архитектуры [20].

6.1. Collegia и профессиональный допуск как архитектура статуса

Римские collegia демонстрируют ранний пример институционализации доступа, при котором профессиональная деятельность трансформируется в юридически признанный статус [21], [22]. Допуск к профессии фиксируется не только через навыки, но и через включённость в признанный правовой контур, обладающий собственной идентичностью, внутренними правилами и механизмами защиты.

Collegia формируют устойчивый режим доступа, включающий селекцию участников, иерархию ролей и процедуры разрешения конфликтов. Легальность collegia выступала переменной допуска: режим licita/illicita определял, является ли сеть защищённым институтом или объектом пресечения [21], [22]. Правовое признание со стороны публичной власти не создаёт элиту автоматически, однако оно превращает профессиональную сеть в воспроизводимый институт, способный переживать смену поколений и политических условий.

Особое значение имеет связь collegia с общественно значимыми функциями — снабжением, логистикой, строительством и ремеслом. Встраивание в контуры критической инфраструктуры переводит профессиональный

статус в элитную позицию, поскольку доступ к деятельности становится ограниченным и институционально защищённым.

6.2. Lex mercatoria: право скорости и автономный арбитраж

Отдельного выделения требует тезис о скорости как институциональном капитале. В торговых режимах время выступает экономическим ресурсом: затяжное разрешение спора замораживает средства, срывает поставки и разрушает окна рыночных возможностей. Поэтому ключевой параметр эффективности архитектуры — *time-to-resolution*, то есть время от возникновения конфликта до окончательного решения. Ярмарочные и рыночные суды, действующие по принципу *on-site jurisdiction* (рассмотрение по месту и немедленно), превращали скорость в системное свойство правоприменения: конфликт закрывался внутри торгового цикла и не парализовал оборот [13]. В английской правовой традиции эту логику воплощали так называемые *piepowder* (*piepoudre*) courts — ускоренные ярмарочные суды для споров, возникающих «на месте» [23]. Важен институциональный эффект: суд встроен в торговый цикл и закрывает конфликт до того, как капитал «выпадет» из оборота и разрушит сроки сделки [13], [23]. Контроль над процедурой и скоростью разрешения споров становился формой контроля над оборотом капитала.

Средневековое торговое право, объединяемое понятием *lex mercatoria*, представляет собой архитектуру доступа, ориентированную на минимизацию транзакционных издержек и ускорение оборота [11], [12]. В условиях трансграничной торговли обращение к территориальным судам было медленным и рискованным, что стимулировало формирование процедур арбитража, встроенных непосредственно в торговые циклы.

Lex mercatoria функционировала как совокупность повторяемых практик, договорных форм и процедур разрешения споров, признаваемых участниками обмена [11], [12], [14]. Ярмарочные суды и специализированные торговые инстанции обеспечивали быстрые и предсказуемые решения, превращая время разрешения конфликта в экономический ресурс.

С архитектурной точки зрения *lex mercatoria* фиксирует автономный правовой слой, не оторванный от публичной власти, но и не растворённый в ней. Этот слой обеспечивает воспроизводимость элитных позиций через контроль процедур арбитража и исключение недобросовестных участников из оборота.

6.3. Контракты риска: комменда и разделение ролей

Сравнительный анализ показывает, что один и тот же контрактный механизм мог быть встроен в разные архитектуры. Венецианская траектория характеризуется институционализацией и частичным «огосударствлением» риска: публичная организация торговых конвоев и процедур движения снижала неопределённость и усиливала контроль патрицианского ядра над доступом к дальним операциям [15]. Генуэзская траектория, напротив, демонстрирует транснационализацию капитала: контрактные формы становятся базой для кредитных операций и долговых контуров, выходящих за пределы собственно торговли [16].

Ключевой шаг от разовой переработки риска к устойчивому контейнеру — формирование институтов коллективного управления долгом и риском. В Генуе таким контейнером выступали ассоциации кредиторов, наиболее показательным примером которых является *Casa di San Giorgio* (1407) — структура с собственной администрацией и фискальными полномочиями, предназначенная для защиты прав кредиторов и управления долговыми потоками [17]. Этот тип института показывает, как архитектура доступа смещается от контроля отдельной сделки к контролю долгового и налогового потока как источника устойчивости.

Контрактные формы дальнеморской торговли Средиземноморья, прежде всего комменда, представляют собой ключевой этап институционализации доступа к капиталу и управлению риском [15], [16]. Комменда структурно разделяет роли инвестора и операционного агента, фиксируя распределение ответственности, доходов и убытков.

Архитектурный эффект комменды заключается в переработке риска: неопределённость морской экспедиции перестаёт быть персональным испытанием и превращается в управляемый параметр, встроенный в правовой протокол. Инвестор получает возможность портфельного распределения капитала, тогда как агент остаётся носителем операционного риска и заменяемой функцией.

Такое разделение ролей формирует устойчивую асимметрию доступа: контроль над капиталом и правилами закрепляется за инвесторами и правовыми институтами, что создаёт предпосылки для формирования финансовых элит, воспроизводимых независимо от исхода отдельных экспедиций.

6.4. От контрактов к корпоративным формам

По мере роста масштабов торговли и накопления долговых обязательств разовые контрактные решения оказываются недостаточными. Повторяемость операций и концентрация рисков требуют создания институциональных контейнеров, способных аккумулировать, распределять и защищать интересы капитала.

Такие контейнеры формируются в виде корпоративных и квазикорпоративных структур, обладающих собственной администрацией, процедурами управления и правовой автономией. Примером служат финансовые дома и ассоциации кредиторов, выполняющие функции, сопоставимые с государственными, включая сбор доходов и управление долгом.

6.5. Архитектурные выводы по блоку институционализации

Институционализация доступа демонстрирует, что воспроизводство элит опирается не на устранение сетевой логики, а на её формализацию. Право, контракт и корпоративная организация выступают инструментами стабилизации архитектуры, позволяющими перерабатывать риски и обеспечивать долговременную передачу элитных позиций.

Переход от сети к институту не является линейным и окончательным: архитектуры сохраняют гибкость и способность к адаптации, комбинируя формальные и неформальные механизмы доступа. Этот вывод подготавливает анализ предельных форм институционализации — хартийных корпораций, в которых доступ к экономическим функциям сопрягается с делегированием отдельных сувереноподобных полномочий. В рассматриваемых институциональных кейсах индикаторы архитектуры наблюдаемы как формализованный допуск, процедурные узлы

(суды/ярмарки/контуры долга), арбитраж и исполнение, санкции исключения и механизмы воспроизводимости статуса.

Хартийные корпорации как предельная архитектура доступа и суверенитета

7.1. Хартия как институциональный шлюз доступа

Хартийные корпорации раннего Нового времени — предельная форма институционализации архитектур доступа, в которой экономические функции сопрягаются с делегированием отдельных сувереноподобных полномочий [18]. Хартия фиксирует пороги допуска, состав акторов принятия решений и процедуры воспроизводства власти; на практике это выражается в праве на монопольную деятельность, договорное представительство, автономные режимы юрисдикции и принудительное исполнение в контролируемых пространствах.

7.2. Голландская Ост-Индская компания: корпоративный суверенитет

Процедурным носителем устойчивости корпоративного суверенитета выступал коллегиальный директорат Heeren XVII, который обеспечивал преемственность решений независимо от смены персоналий. В архитектурных терминах Heeren XVII выполнял роль контейнера власти: фиксировал правила принятия решений, балансировал интересы «камер» и поддерживал управляемость корпорации на длинном горизонте. Связка процедурного управления и финансовой инфраструктуры акционерного капитала превращала доступ к информации и принятию решений в механизм селекции элит хартийного типа.

Голландская Ост-Индская компания (VOC) может рассматриваться как одна из первых завершённых моделей хартийной архитектуры доступа. Хартия 1602 года предоставила компании исключительные полномочия на обширном географическом пространстве, включая право вести войны, заключать договоры, учреждать администрации и чеканить монету. Экономическая монополия в данном случае была лишь внешним проявлением более глубокой архитектурной трансформации.

Ключевым элементом устойчивости VOC стала коллегиальная система управления, воплощённая в директорате Heeren XVII. Коллективный характер принятия решений, квотирование представительства и процедурная фиксация полномочий позволяли архитектуре сохранять функциональную целостность при смене персонального состава и в условиях высоких рисков. Финансовая инфраструктура акционерного капитала дополняла эту систему, обеспечивая перераспределение рисков и вовлечение городских элит в корпоративный контур.

В архитектурной логике VOC демонстрирует соединение трёх уровней: правового (хартия и автономная юрисдикция), финансового (акции и дивиденды) и силового (флот и военные операции). Такое соединение позволяет говорить о формировании корпоративного суверенитета, функционирующего параллельно государственному.

7.3. Британская Ост-Индская компания: пределы автономии

Качественным переломом выступает переход от торговой к фискально-административной логике, когда корпорация получает доступ к территориальному бюджету и становится держателем налоговых потоков. В архитектурной логике это означает, что устойчивость власти перестаёт зависеть от торговой прибыли и начинает опираться на институционально закреплённые доходы территории. Именно фискальный суверенитет превращает корпоративный контур в политический, но одновременно повышает системные риски и делает неизбежным усиление внешнего контроля со стороны государства.

Британская Ост-Индская компания (EIC) развивалась в иной институциональной среде, что обусловило более конфликтную и постепенную трансформацию архитектуры доступа [18], [19]. Изначально торговая корпорация, EIC по мере расширения деятельности приобретала фискальные и административные функции, кульминацией чего стало получение права сбора налогов на значительных территориях Индии.

Доступ к территориальному бюджету превратил EIC в полноценного политического актора, чья власть основывалась не только на торговле, но и на управлении населением и ресурсами. Однако рост автономии компании сопровождался усилением регуляторного контроля со стороны британского государства. Регулирующие акты и создание надзорных институтов обозначили предел допустимого делегирования суверенитета.

С архитектурной точки зрения данный процесс иллюстрирует цикличность хартийной модели: по мере того как корпоративная архитектура достигает масштаба, сопоставимого с государственным, возникает необходимость регуляторного возврата. Государство возвращается в контур управления, не уничтожая архитектуру, но ограничивая её автономию.

7.4. Регуляторный откат и пределы хартийной модели

Хартийные корпорации демонстрируют, что институционализация доступа может достигать уровня, на котором частная организация становится системным элементом политического порядка. Однако именно эта успешность порождает структурные издержки: рост коррупции, конфликт интересов между корпоративной и государственной элитами, утрату легитимности.

Регуляторный откат выступает не исключением, а повторяемой фазой архитектурного цикла [19], [20]. Он свидетельствует о том, что социальные архитектуры элит обладают пределами масштабирования автономии. Тем не менее базовые принципы архитектуры — контроль доступа, процедурность управления, воспроизводимость позиций — сохраняются и интегрируются в обновлённые институциональные формы.

7.5. Архитектурные выводы по хартийному блоку

Анализ хартийных корпораций позволяет рассматривать их как предельные формы архитектур доступа, в которых элитная позиция закрепляется через делегирование отдельных сувереноподобных функций. Эти кейсы подтверждают, что устойчивость элит определяется не принадлежностью к государству, а дизайном институтов, способных перерабатывать риски, управлять потоками и воспроизводить власть в долгосрочной перспективе.

Хартийная модель закрывает эмпирическую линию статьи, демонстрируя, каким образом сетевые и институциональные архитектуры элит могут трансформироваться в надгосударственные формы власти. Далее анализ смещается к сравнительному синтезу и обсуждению теоретических следствий предложенного подхода. Для хартийных кейсов индикаторы фиксируются как формализованный режим допуска (хартия), узлы управления (советы/комитеты), собственные процедуры арбитража и правоприменения, санкционные и силовые контуры, а также воспроизводимость через процедурность и режимы преемственности.

Сравнительный синтез и обсуждение результатов

8.1. Инварианты социальных архитектур элит

Отдельного выделения заслуживают инфраструктуры памяти и интерпретаций как компонент устойчивости архитектуры. Память в данном случае понимается не как «архив ради архива», а как институциональный механизм удержания контекста [20]: протоколы обязательств, карта репутационных прецедентов, фиксация конфликтов и процедур их разрешения. Наличие подобной памяти снижает неопределённость, ускоряет решения и предотвращает повторение ошибок, а также формирует семиотический слой архитектуры — контроль рамок интерпретации событий внутри контура. Там, где память отсутствует, система вынуждена каждый раз заново воспроизводить доверие и правила, что резко снижает устойчивость в условиях усложнения среды.

Сопоставление античных, средневековых и раннемодерных кейсов позволяет выделить набор инвариантов, воспроизводящихся независимо от культурного контекста и формы политической организации. Во-первых, во всех рассмотренных случаях элитная устойчивость обеспечивается контролем **доступа** — к узлам обмена, правовым режимам, источникам финансирования и процедурам арбитража. Накопление ресурсов само по себе не является достаточным условием элитности без институционально закреплённого режима допуска.

Во-вторых, ключевую роль играют **узлы** как точки концентрации потоков. Порты, конторы, ярмарки, финансовые палаты и корпоративные центры управления выступают материальными и процедурными якорями архитектуры. Потеря отдельного узла не обязательно разрушает архитектуру, если сохраняется способность перераспределять потоки и переносить центр тяжести.

В-третьих, **процедуры арбитража и санкций** образуют ядро дисциплины архитектуры. Эффективность власти определяется не масштабом принуждения, а точностью и обратимостью санкций, включая исключение из контура. Данный механизм позволяет поддерживать порядок при ограниченных ресурсах принуждения и в условиях множественных юрисдикций.

В-четвёртых, устойчивые архитектуры демонстрируют **воспроизводимость**, выражающуюся в передаче ролей, статусов и доступа между поколениями. Воспроизводство обеспечивается не персональной преемственностью, а процедурной и институциональной памятью, закреплённой в правилах и организациях.

8.2. Типология архитектур доступа

На основе сравнительного анализа можно предложить укрупнённую типологию социальных архитектур элит.

Первый тип — **узловые сетевые архитектуры**. К ним относятся античные портовые системы и диаспоры, в которых доступ обеспечивается контролем физических узлов и репутационных контуров. Эти архитектуры отличаются высокой адаптивностью, но ограниченной институциональной стабилизацией.

Второй тип — **коалиционные архитектуры**. Примером служит Ганзейский союз, где доступ и дисциплина обеспечиваются согласованными санкциями и коллективным управлением узлами. Данный тип позволяет масштабировать власть без централизованного суверенитета, однако остаётся уязвимым к регуляторному давлению со стороны государств.

Третий тип — **институционально-контрактные архитектуры**. В их основе лежат формализованные режимы допуска и переработки риска, такие как *collegia*, *lex mercatoria* и комменда. Эти архитектуры обеспечивают высокую воспроизводимость элитных позиций и служат переходной формой к корпоративным структурам.

Четвёртый тип — **хартийные корпоративные архитектуры**. Они характеризуются делегированием отдельных сувереноподобных функций, процедурной концентрацией власти и высокой устойчивостью, но обладают встроенными пределами автономии, проявляющимися в фазах регуляторного отката.

8.3. Сравнение с классическими моделями анализа элит

Предложенный архитектурный подход позволяет уточнить и дополнить классические теории элит. В отличие от элитологии, фокусирующейся на составе и циркуляции элитных групп, архитектурный анализ смещает внимание на режимы доступа и механизмы воспроизводства. В сравнении с институционализмом, он акцентирует не отдельные институты, а их взаимную настройку и функциональную целостность во времени.

В отличие от сетевых теорий, рассматривающих конфигурации связей, архитектурный подход подчёркивает роль формализации, санкций и процедур, превращающих сеть в устойчивую систему. Таким образом, социальные архитектуры выступают аналитическим уровнем, позволяющим связать микроуровень взаимодействий и макроуровень институциональных порядков.

8.4. Ограничения исследования

Несмотря на широкий охват исторического материала, исследование обладает рядом ограничений. Во-первых, анализ основан преимущественно на качественных кейсах и не претендует на количественную верификацию предложенной модели. Во-вторых, выбор кейсов ориентирован на торгово-финансовые среды, что ограничивает прямую экстраполяцию выводов на иные сферы социальной организации. В-третьих, интерпретация архитектур неизбежно зависит от доступности источников и историографических традиций.

Указанные ограничения не снижают эвристический потенциал подхода, но задают рамки его применения и направления дальнейших исследований.

8.5. Вклад статьи

1. Предложен концепт социальных архитектур элит как аналитический уровень, связывающий сетевые конфигурации и институциональные режимы доступа во временной динамике.

2. Операционализирован набор индикаторов диагностики архитектуры доступа (узлы, допуск, арбитраж, санкции, воспроизводимость), применимый для межэпохальных сопоставлений.

3. Разработана типология архитектур доступа (узловые сетевые, коалиционные, институционально-контрактные, хартийные корпоративные), позволяющая сравнивать формы элитного воспроизводства вне привязки к конкретным государственным оболочкам.

4. Показана цикличность предельных форм институционализации доступа (делегирование отдельных сувереноподобных функций → автономия → регуляторный откат) как повторяемый механизм политико-экономической динамики.

Заключение

Проведённый анализ позволяет рассматривать элиту не как фиксированную социальную группу или производную от формальной власти, а как устойчивую позицию в социальной архитектуре институционализированного доступа. Такой подход смещает исследовательский фокус с описания состава элит на анализ механизмов, обеспечивающих долговременное воспроизводство элитных позиций в условиях изменяющейся социальной и политической среды.

Ключевые выводы:

1. Устойчивость элит определяется архитектурой доступа, а не накоплением ресурсов или формальным контролем над территорией; критическим фактором выступает контроль режимов допуска к узлам обмена, правовым процедурам и механизмам арбитража.

2. Узлы и процедуры обладают большей объяснительной силой, чем границы и иерархии: порты, конторы, ярмарки, финансовые палаты и корпоративные центры управления формируют точки концентрации власти, вокруг которых выстраиваются устойчивые архитектуры элит.

3. Санкции и исключение являются базовыми инструментами дисциплины социальных архитектур: эффективность власти обеспечивается точностью, обратимостью и процедурной закреплённостью санкционных механизмов, поддерживающих порядок в условиях множественных юрисдикций.

4. Воспроизводимость элитных позиций обеспечивается институциональной памятью и передачей ролей, а не персональной преемственностью; формализованные процедуры допуска и воспроизводства повышают устойчивость архитектуры на горизонте поколений.

5. Предельные формы институционализации доступа, связанные с делегированием отдельных сувереноподобных функций (хартийные корпорации), обладают встроенными пределами автономии; регуляторный откат выступает повторяемой фазой архитектурного цикла.

В совокупности полученные результаты поддерживают эвристический потенциал концепта социальных архитектур для анализа элит в социологии и политической экономии. Архитектурный подход позволяет интегрировать сетевые, институциональные и исторические измерения власти в единую рамку, пригодную для межэпохального сопоставления.

Перспективы дальнейших исследований связаны с применением архитектурного анализа к современным цифровым и платформенным средам, а также с разработкой количественных и сравнительных индикаторов, позволяющих эмпирически измерять устойчивость и трансформацию социальных архитектур элит в условиях усложняющихся институциональных изменений [20].

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Сообщество рецензентов Международного научно-исследовательского журнала

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.166.83.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Community of Reviewers of the International Research Journal

DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2026.166.83.1>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Braudel F. The Mediterranean and the Mediterranean world in the age of Philip II / F. Braudel. — Berkeley : University of California Press, 1995. — Vol. 1. — 1375 p.

2. Horden P. The corrupting sea: A study of Mediterranean history / P. Horden, N. Purcell. — Oxford : Blackwell, 2000. — 776 p.

3. Mann M. The sources of social power / M. Mann. — Cambridge : Cambridge University Press, 1986. — Vol. 1. A history of power from the beginning to AD 1760. — 560 p.

4. Aubet M.E. The Phoenicians and the West: Politics, colonies and trade / M.E. Aubet. — 2nd edition. — Cambridge : Cambridge University Press, 2001. — 432 p.

5. Curtin P.D. Cross-cultural trade in world history / P.D. Curtin. — Cambridge : Cambridge University Press, 1984. — 293 p.

6. Hoyos D. The Carthaginians / D. Hoyos. — London; New York : Routledge, 2010. — 288 p.

7. Cohen E.E. Athenian economy and society: A banking perspective / E.E. Cohen. — Princeton : Princeton University Press, 1992. — 312 p.
8. Ober J. Democracy and knowledge: Innovation and learning in classical Athens / J. Ober. — Princeton : Princeton University Press, 2008. — 368 p.
9. Lloyd T.H. England and the German Hanse, 1157–1611: A study of their trade and commercial diplomacy / T.H. Lloyd. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — 401 p. — URL: <https://www.cambridge.org/core/books/england-and-the-german-hanse-11571611/2E58C51E743B94903EB74799416B78F1> (accessed: 23.01.2026).
10. Nedkvitne A. The German Hansa and Bergen, 1100–1600 / A. Nedkvitne. — Köln : Böhlau Verlag, 2014. — 785 p. — URL: https://books.google.com/books/about/The_German_Hansa_and_Bergen_1100_1600.html?id=SE9CngEACAAJ (accessed: 23.01.2026).
11. Kadens E. The myth of the customary law merchant / E. Kadens // Texas Law Review. — 2012. — Vol. 90. — № 5. — P. 1153–1206. — URL: <https://texaslawreview.org/wp-content/uploads/2015/08/Kadens-90-TLR-1153.pdf> (accessed: 23.01.2026).
12. Michaels R. The true lex mercatoria: Law beyond the state / R. Michaels // Indiana Journal of Global Legal Studies. — 2007. — Vol. 14. — № 2. — P. 447–468. — DOI: 10.2979/GLS.2007.14.2.447.
13. Edwards J. What lessons for economic development can we draw from the Champagne fairs? / J. Edwards, S. Ogilvie // Explorations in Economic History. — 2012. — Vol. 49. — № 2. — P. 131–148. — DOI: 10.1016/j.eeh.2011.12.002.
14. Kadens E. Order within law, variety within custom: The character of the medieval merchant law / E. Kadens // Chicago Journal of International Law. — 2004. — Vol. 5. — № 1. — P. 39–65. — URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/cjil/vol5/iss1/6/> (accessed: 23.01.2026).
15. Puga D. International trade and institutional change: Medieval Venice's response to globalization / D. Puga, D. Trefler // The Quarterly Journal of Economics. — 2014. — Vol. 129. — № 2. — P. 753–821. — DOI: 10.1093/qje/qju006.
16. de Roover F.E. Partnership accounts in twelfth century Genoa / F.E. de Roover. — 1941. — URL: <https://www.mgh-bibliothek.de/dokumente/a/a146435.pdf> (accessed: 23.01.2026).
17. Fratianni M. Government debt, reputation and creditors' protections: The tale of San Giorgio / M. Fratianni, F. Spinelli // European Finance Review. — 2006. — Vol. 10. — № 4. — P. 487–506. — DOI: 10.1007/s10679-006-9006-7.
18. Stern P.J. The company-state: Corporate sovereignty and the early modern foundations of the British Empire in India / P.J. Stern. — Oxford : Oxford University Press, 2011. — 320 p.
19. Bowen H.V. Revenue and reform: The Indian problem in British politics, 1757–1773 / H.V. Bowen. — Cambridge : Cambridge University Press, 1991. — 204 p.
20. North D.C. Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history / D.C. North, J.J. Wallis, B.R. Weingast. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — 308 p.
21. Arnaoutoglou I.N. Roman law and *collegia* in Asia Minor / I.N. Arnaoutoglou. — 2002. — P. 27–44. — URL: <https://eclass.uoa.gr/modules/document/file.php/ARCH796/arnaoutoglou%20roman%20law%20and%20the%20collegia.pdf> (accessed: 23.01.2026).
22. Mitchell L.J.E. Balancing the Books: The Economic Impact of Collegia in the Western Roman Empire / L.J.E. Mitchell. — Manchester : University of Manchester, 2017. — 242 p. — URL: https://pure.manchester.ac.uk/ws/portalfiles/portal/85708215/FULL_TEXT.PDF (accessed: 23.01.2026).
23. Piepoudre court (piepowder court) // Encyclopaedia Britannica. — URL: <https://www.britannica.com/topic/piepoudre-court> (accessed: 26.03.2026).
24. Goitein S.D. The documents of the Cairo Geniza as a source for Mediterranean social history / S.D. Goitein // Journal of the American Oriental Society. — 1960. — Vol. 80. — № 2. — P. 91–100. — URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/The-Documents-of-the-Cairo-Geniza-as-a-Source-for-Goitein/42567eca1faf7317f634c8bcbea8ca94030a2ccb> (accessed: 23.01.2026).
25. Demosthenes. Against Lacritus / Demosthenes; transl. by A.T. Murray // Demosthenes: Private orations. — Cambridge, MA : Harvard University Press; London : William Heinemann, 1939. — URL: <https://topostext.org/work/435> (accessed: 23.01.2026).